

УДК 94(47).048

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-1-19-36

**«БУНТ» ИЛИ «СМЯТЕНИЕ»? К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ
БЕСПОРЯДКОВ УДИНСКИХ И СЕЛЕНГИНСКИХ
СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В 1696 Г.**

Багрин Е. А.

*Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина,
г. Санкт-Петербург.
E-mail: egor-bagrin@yandex.ru*

На основе опубликованных и не опубликованных источников, рассматриваются волнения служилых людей Селенгинска, Удинска, Ильинского и Кабанского острогов, произошедшие в 1696 г. Автор исследования считает, что события не носили характера борьбы с государственным управлением. Большая часть действий забайкальцев, направленная против воеводы А. Савелова, не являлась прямым бунтом и в большинстве случаев не выходила за законные рамки. В основе произошедших событий была неправильная политика государства, направленная на формирование гарнизонов в Западном Забайкалье, а не антифеодальное движение, как считалось ранее. В статье заостряется внимание на том, что степень вовлеченности военных корпораций Селенгинска и Удинска в «смуту» была неоднородна. В то время как селенгинцы и часть «старых» служилых людей Удинска придерживались умеренной позиции в ожидании разрешения конфликта с иркутским воеводой при помощи государства, часть удинцев, преимущественно из числа новоприборных ратников, была склонна к самоуправству и нарушению закона.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, история, Сибирь, Даурия, восстание, XVII век

«В прошлом де 204 году ... у удинских стрельцов было *смятение*, а не *бунт*»: сказал на допросе Семен Сенотрусов пятидесятник удинских служилых людей, описывая события 1696 г., когда гарнизоны Селенгинска и Удинска вышли из подчинения администрации Иркутского уезда [5, с. 352]. Бунт, смятение – слова очень похожие по смыслу, обозначающие народное возмущение, мятеж, смуту. Тем не менее, бунт, согласно словарю Даля, термин, который имеет более отягчающее значение – «открытое сопротивление народа законной власти». Смятение же, скорее беспорядок, вызванный тревогой. Что же произошло в Даурии в 1696 г.?

Ф. А. Кудрявцев и В. А. Александров считали, так называемый «бунт заморских казаков», проявлением борьбы с «феодальным гнетом», одним из череды «народных антифеодальных движений XVII в., представлявших один из важнейших этапов в развитии классовой борьбы в России». Следуя идеологическим представлениям советского периода, они видели основную цель восставших в свержении «ненавистных воевод» и установлении власти «войска», опиравшегося на традиции и нормы казачьего самоуправления. [5, с. 346–347; 10, с. 62–68]. В современное время исследователи, оставив тему классового противостояния, объясняют мятеж корыстолюбием воеводы Афанасия Савелова и его

администрации, управлявшей Иркутским уездом [17]. Данный подход был сформулирован еще в XIX в. знаменитым историком Н. Н. Оглоблиным, видевшим истоки сибирских бунтов в «безобразиях» сибирских управленцев [12; 13].

В данном исследовании мы хотим обратить внимание на то, что беспорядки в первую очередь были спровоцированы государственной военной политикой, связанной с формированием гарнизонов даурских крепостей. Также, мы попытаемся показать, что произошедшие события можно рассматривать, следуя оценке С. Сенотрусова, действительно, как «смятение», так как они не носили того острого социального характера, который им традиционно приписывают.

Значительный блок документов, относящихся «бунту заморских казаков», был опубликован в 1902 г. в издании «Первое столетие Иркутска. В память 250-летия Иркутска»¹ и затем пополнился В. А. Александровым в публикации «Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII века» [5; 9]. Эти материалы вместе с неопубликованными документами, касающимися военных реформ в Даурии в 1690-х гг., легли в основу оценок представленных событий.

Итак, в первую очередь, определимся с главными участниками событий и их положением перед началом конфликта. Это служилые люди Удинска, Селенгинска, Ильинского и Кабанского острогов, с одной стороны и иркутский воевода А. Савелов и его люди, с другой.

Служилые люди Удинска. До конца 1680-х гг. гарнизон Удинска формировался из селенгинских ратников, отправлявшихся туда на «годовую службу», и имел второстепенное значение в системе обороны пограничной линии в Западном Забайкалье [11, с. 45-46]. Однако с приходом в Забайкалье войска посла Ф. А. Головина ситуация в корне поменялась. Заключив Нерчинский договор 1689 г., Ф. А. Головин сделал Удинск² центром размещения двух «сибирских» полков П. Ю. Грабова и А. Ю. Смаленберга, входивших в «посольское» войско. Входившие в их состав ратники, были выбраны в даурский поход в Тобольске, Тюмени, Томске, Енисейске, Илимске, Нарыме и Верхоленске. К 1691 г. эти люди служили вдали от дома и своих гарнизонов около 5 лет и хотели вернуться, о чем подали прошения. Следует отметить, что Ф. А. Головин предлагал отпустить всех ратников из Западной Сибири, сформировав гарнизон Удинска из добровольцев и людей восточносибирских крепостей. Однако правительство направило домой не всех, а только половину служилых людей, оставив остальных до перемены продолжать службу в Удинске (около 400 чел.). Часть из них отправлялась для усиления гарнизонов Иркутска и Селенгинска [15, л. 290–298].

На смену им в 1694 г. из Тобольска, Тюмени, Томска, Березова и Пельыма отправились 340 чел., из которых до места добрались 325 чел. [11, с. 52]. Состав их был разнообразен: полковые стрельцы, казачьи дети, братья и племянники, и

¹ Опубликованные здесь документы вошли в состав книг «Сборник документов по истории Бурятии. XVII век» и «Албазинское воеводство (сборник документов). Библиотека дальневосточного казачества» (1 и 2 издание) [2; 3; 5].

² Кроме того, 200 ратников расположились в Нерчинске. В 1691 г. все они были отпущены на место основной службы.

«наемщики их гулящие люди». Большая часть из них были молодые родственники окладных служилых людей. Направляя их на службу, правительство рассчитывало на то, что часть из них, обзаведясь семьей и хозяйством, останется в Даурии на постоянную службу. Однако отдаленная и опасная даурская служба была крайне непопулярна для жителей западно-сибирских крепостей. Возможно, неудовольствие назначением явилось причиной того, что продвижение нового контингента к месту службы сопровождалось беспорядкам и грабежами местных жителей на Оби, Кети, Тунгуске¹. Особенно «отличились» они в Нарыме, где «к острогу приступали с великим шумом и боем, с канатами и с баграми, и на острог канаты наматывали и острог хотели выломить и государеву казну пограбить и торговых людей из острогу прошали из животов их хотели мучить». После допроса виновных в Иркутске, их отправили в гарнизоны Удинска и Селенгинска, «не учинив» наказания. Действия их в документах расценивались как «воровство» и «бунтовство» [5, с. 370; 14, с. 101–102].

Таким образом, к 1696 г. в Удинске оказались молодые люди не довольные своим положением, оставшиеся безнаказанными за многочисленные совершенные ими преступления. Здесь они встретились с соратниками, которые находились в Даурии уже около 10 лет и не могли вернуться к своим родным и семьям, в т.ч. и бедствующим вследствие того, что их дома в Тобольском уезде сгорели во время пожаров и по другим причинам. К моменту беспорядков значительная часть из них уже сменилась и покинула Удинск, однако часть оставалась. Стоит ли отмечать, что почва для возмущения была очень благоприятная, и нужен был только формальный повод.

Служилые люди Селенгинска. Гарнизон Селенгинска был реформирован Ф. А. Головиным. Селенгинцы выполняли много служебных поручений, связанных с использованием коней, однако числились в пешей казачьей службе. Многие из-за необходимости содержать лошадей разорялись, т.к. жалованья не хватало. Казаки просили зачислить их в конную службу, чтобы государство выделяло им дополнительные средства. В 1690 г. из 156 пеших казаков 50 «добрых и к тому годных и прожиточных людей» поверстали в конные казаки. Их оклад составил 7 руб. 8 алтын 2 денги и «хлеба по шти четвертей ржи, овса по четыре четверти, по два пуда соли человеку». Это было более чем на 2 руб. больше жалованья пеших казаков. Пятидесятником стал Антон Березовский (Антошка Березовских). Кроме того, Ф. А. Головин распорядился регулярно присылать из Удинска в Селенгинск по 100 человек. Таким образом, общая численность гарнизона Селенгинска составила 256 чел.: 106 пеших и 50 конных «старых жилых» казаков и 100 «временщиков». Отметим, что в конные казаки была переведена только 1/3 личного состава селенгинцев, а просьба остальных не была удовлетворена. Служебная нагрузка на

¹ Подобное поведение не было уникальным событием. Например, также себя вели и служилые люди, пришедшие в 1685 г. в Даурию из Тобольска (полк А. Бейтона). 92% из них также были «дети и братья» окладных служилых людей Тобольска, Верхотурья, Тюмени и Туринского острога [8; 15, л. 255, 282].

них не изменилась, и это было естественным поводом для недовольства казаков своим материальным положением. [15, л. 45–48].

Иркутский воевода А. Савелов и его администрация. А. Савелов, прибыв в Иркутск (центр Иркутского уезда в который в т.ч. входили Удинск и Селенгинск), не ограничивал себя в средствах обогащения¹. Под разными предложениями он «вымучивал» деньги у торговых людей. Пашенные крестьяне, посадские и ясачные люди Кабанского и Ильинского острогов жаловались на то, что воевода использовал их подводы для транспортировки личных товаров, отправляемых на продажу в монгольские земли. Объезжая земли «за морем», воевода для угроз и большей сговорчивости вверенного ему населения, брал с собой «заплечного мастера». Некоторые его люди, поставленные в приказчики, нарушали закон, используя свое служебное положение [14, с. 113–117].

Служилые люди Иркутского уезда также послужили для А. Савелова одним из источников обогащения. Без царского указа и грамоты он верстал за взятки в дети боярские, атаманы, пятидесятники и десятники, брал на службу ссыльных людей, а также делал незаконные прибавки к жалованью² [14, с. 113].

С удинских и селенгинских служилых людей А. Савелов также брал взятки и в «бунташный год» выплатил им неполное жалование, удержав из их окладов разные суммы. Впоследствии «заморские казаки» подали на А. Савелова иск о возвращении 3055 руб. 11 алт.³ Эти действия воеводы и послужили толчком к началу беспорядков [14, с. 114].

1 этап (февраль–апрель 1696 г.). А. Савелов достаточно точно описал в челобитной события этого периода: «в феврале месяце селенгинский сын боярский Петрушка Арсеньев да новоприсланные в Удинск полковые стрельцы забунтовали, подговоря к себе прежних селенгинских, Ильинского и Кабанского острога служилых людей, а иных взяв по неволе и промеж себя написав письменные крепости, проезжих людей и тутошних жителей грабят и присланных людей, кои посланы при нем, Афонасье, переменяют и указных памятей ни в каких делах не слушают» [14, с. 98].

Сразу отметим, что роль П. Арсеньева в этих событиях преувеличена, воевода был должен сыну боярскому крупную сумму денег, и ему было выгодно преувеличить его вину. В действительности же П. Арсеньев не сыграл роли ни в одном из важных для оценки характера беспорядков событий.

События в Селенгинске. Как уже было упомянуто, А. Савелов под разными предложениями не выплатил служилым людям часть жалованья. По его сведениям

¹ Практика, когда сибирские воеводы использовали свое служебное положение для собственного обогащения, была широко распространена. Их действия были отголоском старинной системы «кормлений» и не раз приводили к возмущению населения различных городов и острогов Сибири [1, с. 153–164].

² Общий ущерб государству во время расследования по этим делам составил «932 р. 2 алт. пол 6 д.» [14, с. 113].

³ Для сравнения: в 7200 (сентябрь 1691/ август 1692) г. общее жалованье служилых Удинского острога составило 2027 руб. [15, л. 293–294].

селенгинским казакам было «не додано» 97 руб. 12 алтын 2 денги. Однако пятидесятник конных казаков Селенгинска Антон Березовский¹ сказал на допросе, что десятник конных казаков Семен Краснояр привез из Иркутска всего 100 руб. Селенгинцы, получив от него письмо о проблемах с жалованием, остановили знакомого воеводу Гаврила Коноплева и забрали у него товары, которые А. Савелов отправил из Иркутска в монгольские земли. Самого Г. Коноплева отпустили в Иркутск [14, с. 99, 102].

Расценивать их действия, по нашему мнению как бунт преждевременно. Во-первых, в товарах А. Савелова нашли 5 пицалей и полтора пуда пороха, запрещенных для продажи в монгольских и китайских землях. Этот факт позволил служилым людям обвинить воеводу в «явной великому государю измене», кроме того воеводский наказ А. Савелову и его людям прямо запрещал торговать с монголами. Теперь власти изменника можно было не подчиняться до государственного разбирательства. Во-вторых, все действия происходили, как минимум, с молчаливого согласия местной официальной власти – приказчика Селенгинска, иркутского сына боярского Остафия Перфильева. Отметим, что в Селенгинске, на момент конфискации товаров у Г. Коноплева, было только небольшое количество казаков, все остальные жили по своим домам вне крепости [14, с. 102–103, 110–111].

Все действия О. Перфильева укладываются в законные рамки. Он приказывает созвать из деревень всех селенгинских служилых людей: детей боярских, пятидесятников, десятников и рядовых для «государева дела», т.е. объявить им об измене воеводы и составить челобитную. Как улику сохранили тетрадь с перечнем товаров. Среди казачьих лидеров, прибывших в Селенгинск, названы пятидесятники Митка Таракановский, Левка Чужакин, десятники Стенка Харитонов, Степка Бурдуковский и селенгинский сын боярский П. Арсеньев. Как мы видим, последний не имел отношения захвату товаров А. Савелова. Тут же произошел случай, еще раз показывающий, что никакой «вольницы» войско не допускало и действовало в рамках закона. Ганка Анисимов Безрукой² и его товарищи, пользуясь ситуацией, «без совету» войска забрали на Посольском мысу товары у Ганки Матвеева, которые также принадлежали А. Савелову. Сумы были порезаны и, находящаяся в них пушнина, частично расхищена. За эти действия О. Перфильев приказал бить Г. Безрукова батогами у приказной избы [14, с. 102–104].

Товары следовало опечатать и ждать государственного решения. Однако, в итоге, собравшиеся в Селенгинск селенгинские, ильинские и кабанские служилые люди разделили их между себя по жребию, объясняя это тем, что воевода не выдал им денежного и хлебного жалования [14, с. 104]. Точной даты этого события в

¹ У А. Березовского, лично получавшего свое жалование в Иркутске, воевода взял 1 руб. от 4 руб. 29 алт. Видимо, речь в документе шла о выдаче второй части жалования, т.к. оклад Березовского составлял более 7 руб. [14, с. 102].

² Ганка Безрукой вместо смертной казни был сослан в Албазинский острог из Тобольска за то, что убил ножом двух служилых людей и украл товары бухарских купцов, которые они охраняли. После «разорения» Албазина его приверстали на службу в Селенгинск [14, с. 103–104].

опубликованных документах не отмечено. Рядовой ильинского острога Иван Оленин на допросе указал, что раздел товаров А. Савелова произошел после заключения договора между удинскими и селенгинскими служилыми людьми, т.е в апреле 1696 г.: «по тому де договору в Селенгинску служилые люди нужд своих ради не хотя голодною смертию помереть и государевы службы отбыть, которые недостаточные казаки взяли животы стольника Афонася Савелова и по себе поделили». Он специально отмечает, что «которые де понарочитие служилые люди животов имать не хотели». Съехавшись на совет, они все-таки решили поддержать «недостаточных служилых людей» и взяли свои пай. Эти сведения подтвердил и селенгинский конный казак Юрко Некрасов. В расспросных речах он сказал, что после составления договора «старые де казаки розговаривали, чтоб те товары положили в казну великого государя до указу», но «нужные казаки закричали, что де им будет помереть» без жалованья и товары «роздували». Отметим, что селенгинцы неоднократно обращают на допросах внимание, что имущество воеводы было конфисковано для того, чтобы иметь возможность продолжать государственную службу. Большинство казаков продали и выменяли на товары свою долю иноземцам, гулящим и промышленным людям. После того, как приехал С. Краснояр с жалованьем, некоторые вещи были возвращены в казну. Здесь же хранилась товарная книга и тетрадь с перечнем всех товаров А. Савелова [5, с. 362–363, 365–366].

В. А. Александров видит в этих событиях «внутреннюю борьбу среди восставших за руководство, в которой новоприборные стрельцы и казаки противостояли зажиточным «старым» казакам» [5, с. 347]. Наша точка зрения на этот вопрос состоит в том, что разделение казаков в гарнизоне по имущественному принципу происходило вследствие выделения небольшой группы конных казаков, получавших большой оклад. Тем более, что, как уже было отмечено, в эту категорию изначально выбирали «лучших», т.е наиболее заслуженных, семейных, обеспеченных людей. Остальные казаки, значительная часть которых не имела к категории «новоприборных» никакого отношения, получали прежнее жалованье пеших казаков, при том, что характер их службы, требующей содержания лошадей не изменился. Отсюда такая острая реакция большинства на сокращение и без того недостаточного жалованья. Сведений о борьбе за власть в Селенгинске в опубликованных документах нет. В мае 1696 г. селенгинские казаки поехали в Иркутск за недоплаченным жалованьем по приказу приказчика О. Перфильева.

Таким образом, все незаконные действия селенгинских казаков в марте–апреле 1696 г., ограничиваются даже не конфискацией, а только дележом имущества А. Савелова между собой, вместо хранения его для расследования. Однако и здесь предлог был «благовидным» – служилые люди не получили денег, и им не на что было жить. Государственной власти и строю они себя не противопоставляли и вряд ли их действия можно расценивать как бунт.

События в Удинске. Здесь, как уже было отмечено, контингент был более склонен к недовольству и протестным действиям. Требовался только повод для начала беспорядков. Вначале 1696 г. воевода удержал из жалования удинцев «скупы

большие» – от 1 до 3 руб., а от хлебного жалованья для части людей по пол оклада, а для многих и весь оклад [5, с. 352, 359]. События назревали постепенно, служилый человек Ильинского острога И. Оленин на допросе отметил, что в феврале 1696 г. «бунту у них (удинцев – Авт.) не видал». Удинский пятидесятник Семен Сенотрусов¹, отметил, что часть удинских служилых людей проводили советы в зимовьях, не пуская туда того, кто считался ими неблагонадежным [5, с. 352].

Смена власти в Удинске произошла после того, как туда прибыл дощаник для хлебных запасов с удинским пятидесятником Моськой Борисовым. Стрельцы «своим самовольством за караул ссадили» приказчика Удинска Андрея Бейтона. Власть разделилась. «Старые» полковые служилые люди выбрали «в приказ» пятидесятника Максима Посельского², прежнего сотенного тюменских стрельцов полка П. Грабова. Новоприборные стрельцы выдвинули ему в «товарищи» М. Борисова. Однако, М. Посельской был отставлен от власти новоприборными стрельцами, с подачи одного из их лидеров Алешки Уварова под предлогом того, что на него сказал «государево дело» его холоп Г. Безпутин. «Старые» стрельцы отказались «писаться» в «особый выбор» за М. Борисова, не смотря на угрозы «смертным убийством» со стороны А. Уварова и И. Лосева. Таким образом, очевидно, что новоприборные стрельцы, пользуясь своим численным преимуществом, фактически навязывали части прежних служилых людей свои условия [5, с. 352].

19 марта 1696 г. лидеры новоприборных стрельцов Моська Борисов, Алешка Уваров, Петрушка Каинов, Мишка Трофимов, Власка Воронин, Ивашко Трошин, Сенька Белевцов, Данилко Фык «много крычали», чтобы разделить товары Василия Арсеньева, связанного с А. Савеловым. «Старые» полковые служилые люди были против, предлагая «тех животов не делить и положить до указу великого государя в казну». В итоге, под угрозой расправы они взяли свои пай «в неволю» [5, с. 353]. Тем не менее, «старые» стрельцы и казаки оставались силой, с которой так или иначе приходилось считаться. М. Борисов приказал в качестве наказания бить провинившихся в кругу палками (каршами). Каждый должен был нанести человеку, взятому в круг по 3 удара. Таким образом, были избиты 2 стрельца и подьячий. Однако «старые» казаки настояли на том, что «буде хто чем ... винен и в том ... на того человека бити челом великому государю ... а собою не управливаться». После чего круги и наказания каршами прекратились. Затем пятидесятник С. Сенотрусов отказал М. Борисову «без указу великого государя и без иркутские памяти» идти в поход³. М. Трофимов, Д. Фык, П. Каинов, И. Щербаков, И. Прошин, В. Воронин, находившиеся в приказной избе, избивали пятидесятника поленьями и хотели его убить. От «смерти его отняли» 2 удинских стрельца, которые выволокли

¹ В 1686–1689 гг. пятидесятник илимских служилых людей, полк А. Смаленберга [6, с. 113].

² В 1686–1689 г. сотенной тюменских стрельцов и пеших казаков, полк П. Грабова [6, с. 109].

³ Цель похода была не указана, вероятно, М Борисов хотел отправить военный отряд в монгольскую землю

Сенотрусова за ноги на крыльцо и отпустили. Одним¹ из этих стрельцов был «старый» служилый человек Тишка Выходцев² [5, с. 353–354].

Бывший приказчик А. Бейтон, не был арестован. Однако его не пускали в город, а у дома в посадской части, где он находился, стоял караул. А. Бейтон сообщил в Иркутск, о том, что удинские казаки взбунтовались и «унять их невозможно и государеву указу чинятся непослушны» [14, с. 98].

Эти события показали, что, не смотря на то, что все удинские служилые люди отказались подчиняться А. Савелову, среди них было разногласие относительно дальнейших действий. Часть «попрежных» удинцев считала, что М. Борисов занимает пост приказчика «самовольством» и не соглашалась с его решениями, а другая часть, наоборот, поддерживала. При этом, лидеры новоприборных стрельцов вели себя довольно дерзко и, опираясь на своих товарищей, используя численное преимущество, фактически пытались диктовать свою волю. С другой стороны, «старые» стрельцы, которым предстояло смениться, настаивали на подчинении всех действий государственным законам. Таким образом, разногласия между «новоприборными» и «старыми» военными в Удинске определялись не имущественным расслоением, как писал Александров, а наличием в крепости двух воинских корпораций, каждая из которых действовала, исходя из своих интересов.

События в Ильинском остроге. До конца марта 1696 г. в Ильинском остроге ничего не происходило. И. Оленин отметил, что «приказных людей не переменяли и указных памятей во всяких делах слушались» и удинские стрельцы «ни к каким бунтам и мятежу не подговаривали». Приказчиком здесь служил ставленник иркутского воеводы Григорий Турчанинов. Из окладов ильинских служилых людей А. Савелов также взял по 1 руб. с человека и не выдал хлебное и соляное жалованье. Кроме того по полтине от оклада взял для себя Г. Турчанинов и еще по полтине «выворачивал подъячим» [5, с. 353].

20 марта 1696 г. рано утром в Ильинский острог приехали удинские стрельцы. Лидерами среди них были Данил Фык, Иван Копейщиков и Нефет Цынков. Привязав коней на Гостином дворе и частных подворьях, они осадили дом Г. Турчанинова. Вместе с ним был его шурин Петр Федоров, подъячий Федор Котюров, селенгинский десятник Емельян Паникадильщиков и иркутянин Иван Бечевин. Осада продолжалась сутки. Затем Г. Турчанинова взял под свою защиту игумен Троицкого монастыря Мисайло. Между удинскими стрельцами и селенгинцами, служившими в Ильинском, произошел совет, в результате которого Турчанинова «садили с приказу». Он был арестован в Гостином дворе и помещен в приказную избу «за караул». Временное руководство принял на себя селенгинец Иван Оленин. Вместе с ним упомянуты и другие лидеры служилых людей: Семен Тархов, Василий Шемякинский, Степан Охера, Оника Моисеев, Петр Феин, Алексей Емельянов. В это же время Г. Турчанинов с помощью сведений братских

¹ Вторым был удинский стрелец Микишка Башкир

² В 1686–1689 г. литвы и конных, и новокрещеных казаков дети, братья и племянники, полк П. Грабова [6, с. 101].

людей был уличен в присвоении ясака, что позволило обвинить его в «воровстве» и получить для отстранения приказчика от власти законные основания. Затем 23 марта 1696 г. бывший приказчик был увезен удинцами в Удинск [5, с. 360–361].

Селенгинские и Ильинского острога служилые люди выбрали в приказчики Стефана Казанца, а удинские стрельцы «не повыбору» приказали быть с ним на приказе сыну боярскому Ивану Новикову. Интересно, что по сведениям И. Оленина, А. Савелов указной памятью подтвердил назначение С. Казанца и тот законно оставался на своей должности до перемены [5, с. 361]. Таким образом, события в Ильинском остроге мы не можем охарактеризовать как «бунт», т.к. действия служилых людей по перемене власти были признаны иркутским воеводой.

Заключение договора о взаимопомощи и переговоры с представителями воеводы А. Савелова. 17 апреля 1696 г. в Удинск приехали сын боярский И. Перфильев и протопоп Петр вместе с другими иркутскими служилыми людьми. Они говорили о том, что удинцам следует подчиняться воеводе А. Савелову. Однако лидеры¹ удинских стрельцов А. Уваров и В. Каленой² отказали им, мотивируя свой ответ тем, что при воеводе Иване Петровиче Гагарине у них не было проблем с получением жалованья, тогда как при А. Савелове многие получили неполные оклады или не получили их совсем. Этот эпизод еще раз подчеркивает то, что действия служилых людей не носили характера противостояния государственной системе управления. Она их устраивала. Претензии были непосредственно к А. Савелову. Обращает на себя внимание и тот факт, что иркутские переговорщики не заезжали ни в Селенгинск, ни в Ильинский острог. Вероятно, А. Савелов не считал, произошедшие там события, поводом для большого беспокойства, в отличие от прихода к власти в Удинске людей, «прославившихся» грабежами и беспорядками по пути в Даурию [5, с. 352, 362].

В это же время в апреле 1696 г. селенгинские³ и удинские служилые люди обменялись договорами о взаимопомощи [5, с. 363–366]. В допросах участники событий неоднократно отмечали, что целью этих соглашений были «не бунт и грабеж», а «доброе дело ... чтоб великому государю служить верно всем заединое и меж себя служилых людей от худых дел ... унимать государевым указом» [5, с. 359]. Александров расценивает договор как попытку создать органы самоуправления [5, с. 346]. Однако, обратим внимание на то, что Селенгинск и Ильинский острог управлялись приказчиками, имевшими власть на законных основаниях, а в Удинске часть «прежних» служилых людей руководствовалась в действиях государственными указами. Объявив власть А. Савелова не действительной, на основании «государева дела» они ждали назначения легитимного представителя государственной власти, а вовсе не организовывали «казачью республику».

¹ В другом документе переговорщиками названы М. Борисов и Д. Фык [5, с. 362].

² Представитель «старых» служилых людей. В 1686–1689 гг. томские казацкие дети, полк П. Грабова (1686–1689 г.) [6, с. 110].

³ В договор селенгинских служилых людей вписались и Ильинские служилые люди.

В договоре селенгинских, удинских, ильинских и кабанских служилых людей были следующие пункты:

- быть в «совете добром», выполняя государственную службу;
- отправлять общих челобитчиков о своих нуждах в Москву;
- докладывать государю и начальным людям желающих посеять смуту между гарнизонами, а также, о фактах игры в кости и карты, бражничества и тп.
- «смирять войсковым советом» людей, нарушающих закон, если начальные люди «не дадут на них управы»
- «А есть ли начальные люди, воеводы и приказные учнут нам чинить какие напрасные обиды и налоги ..., и нам на них, воевод и приказных ... государем бить челом. А друг друга в обидах и в налогах и во всяких напрасных разорениях не выдавать и всякое споможение чинить» [5, с. 363–365].

Итак, договор, в первую очередь, подчеркивал верность государственной службе и единую позицию гарнизонов в случае незаконных действий начальных людей и воеводы. Таким образом, по нашему мнению, этот документ нельзя рассматривать как попытку создать самоуправляющуюся структуру. Главная цель договоренностей – придерживаться корпоративной солидарности в вопросах, затрагивающих нужды военных людей («быть меж собою в совете»).

В Удинске Алексей Княжев¹ хранил договорное письмо в войсковом коробе [5, с. 352].

Первым совместным действием селенгинских и удинских служилых людей была отправка в Москву челобитной с описанием проблем, с которыми они столкнулись после назначения воеводы А. Савелова. В Удинске для этой поездки были собраны 100 руб., вырученные от продажи вещей В. Арсеньева. Деньги были отправлены в Ильинский острог. С челобитной поехал сын боярский П. Арсеньев. Однако в Ильинском остроге документы у него забрал Г. Безрукой и другие казаки, и с челобитной от селенгинцев и удинцев поехал С. Краснояр, а от Ильинского и Кабанского острогов – Козьма Корнилов. П. Арсеньев сам отказался быть челобитчиком, продал свой двор в Удинске и, забрав жену, собирался переехать в Иркутск. Он надеялся помириться с А. Савеловым, который должен был сыну боярскому 400 руб. [5, с. 360, 366].

Во вторых, удинцы и селенгинцы договорились о совместных действиях, направленных на захват товаров А. Савелова, возвращавшихся через Нерчинск из Китая [5, с. 373].

2 этап (май–июль 1696 г.). Третьим и более масштабным итогом апрельского договора стал совместный поход «заморских казаков» к Иркутску. Цель его – получить хлебные оклады, не выданные воеводой. Для служилых людей, у многих из которых были семьи, казенный хлеб был одним из основных источников существования. Естественно, что после конфискации личных товаров воеводы А. Савелова они не могли рассчитывать на «добрый прием», поэтому шли продемонстрировать и свою готовность силой получить положенное им жалованье,

¹ В 1686–1689 гг. тюменский стрелец полка П. Грабова [6, с. 109].

тем более, что на воеводу А. Савелова было объявлено «государево дело». Начальным человеком от селенгинцев был пятидесятник конных казаков А. Березовский, а от удинцев – «самовольный» приказчик М. Борисов. Кроме них среди лидеров перечислены: И. Пинега, С. Краснояр, И. Алемасова, Е. Паникадильщик, К. Кудреватый, Д. Фык [5, с. 367; 14, с. 99, 105].

Первый приход к Иркутску. После того как Байкальское «море» вскрылось, к Иркутску на дощанике и каюке отправились «селенгинские и ильинские и кабанские и удинские служилые люди», всего около 200 чел. с оружием. Крестьяне, встреченные им по пути, предупредили о том, что в Иркутске воевода хочет их «хватать и мучить ... за взятые свои товары». Поэтому суда встали не в обычном «пристанище», а лидеры забайкальцев отказались от идеи идти в город с челобитными без охраны. 19 мая 1696 г. перед тем как причалить за полверсты до Иркутска, «заморские казаки» подняли флаг, ударили в барабан и сделали залп пыжами из ружей. Однако, пристав к берегу, они убрали знамя и оружие «положили в дощаник»¹. Данные события еще раз показывают нам, что даурские служилые люди не имели намерения устраивать бунт, однако они ясно дали понять что пришли «не по прежней обыкности» [5, с. 367; 14, с. 99, 104].

На берег к приплывшим судам приходили иркутские дети боярские Ф. Черниговский и затем И. Перфильев со служилыми людьми. Договорились об условиях переговоров. В приказную избу и вообще в город А. Савелов забайкальцев не пустил. По сведениям А. Березовского он и М. Борисов передали воеводе отписки с просьбой о хлебном жалованье прямо на городской крепостной стене, «которая на берегу реки Ангары». Охраняли их 30 чел. В это же время они попросили у А. Савелова дощаники для хлебных припасов селенгинских, ильинских и кабанских ратников. По версии А. Савелова и жителей Иркутска, «заморские казаки» дважды подходили к городу. Второй раз 20 мая 1696 г. к крепости и воеводскому двору пришли около 200 даурских ратников с дубьем и кричали иркутянам, чтобы они сняли воеводу с должности и посадили своего приказного человека. Кроме того, они обвинили А. Савелова в измене и «сказывали на него ... государево дело» и другие «непристойные» вещи. Возможно, воевода и иркутяне намеренно в челобитной драматизировали происходившее, т.к. последующие события ничем не обнаружили боевой настрой «осаждавших», а скорее, наоборот.

Выданный для хлеба дощаник, был старым и требующим починки, способным поднять «запасов самое малое число». После двух дней ожидания А. Савелов отказался дать забайкальцам зерно² и приказал иркутским детям боярским

¹ Об этом рассказал селенгинский пятидесятник А. Березовский, а жители Иркутска в своей челобитной, повторяющей челобитную А. Савелова, написали «приплыли из-за Байкала ... во всякой готовности, будто к воинскому делу, не по прежней обыкности ... и вышли из дощаника на берег с ружьем и знамены и барабаны» [5, с. 367].

² В своей челобитной А. Савелов написал о том, что выдал хлебное жалованье полностью, но сведения других свидетелей это не подтверждают. Иркутяне в челобитной написали, что воевода «велел ... хлебное жалованье имать на Белой реке в Бельском и в Ыдинском острогах и на Олонке» [5, с. 367].

Е. Курдюкову, Ф. Черниговскому и М. Поршенникову оттолкнуть от берега «прочь» дощаники «заморских казаков», что те и сделали при помощи бревен, повредив оснастку судов. Таким образом, иркутский воевода первым проявил агрессию в конфликтной ситуации, тогда как «заморские казаки» вели себя в рамках закона как просители [5, с. 367–368; 14, с. 99–100].

Второй приход к Иркутску. Следуя сведениям А. Березовского, забайкальцы приплыв на низ р. Ангары, взяли у торгового человека И. Ерофеева в долг 500 пуд. ржи и еще 500 пуд. у иркутского сына боярского Ф. Черниговского. Затем служилые люди отправились в Бельский и Каменский острожки «для хлебной покупки в прибавку». По данным из челобитной иркутян «заморские казаки» должны были взять в Бельском и Идинском острогах положенное им хлебное жалованье [5, с. 367; 14, с. 106].

Здесь происходят первые события, которые действительно можно трактовать как бунт. Службу в Бельском остроге несли удинские полковые стрельцы, годовальщики. Они известили «заморских казаков» о том, что в деревне иркутского сына боярского Е. Курдюкова «курится на себя ... вино многое». После чего село Курдюкова был разграблено, а все найденные запасы и домашние животные съедены. Вероятно, Е. Курдюкову вспомнили недавние события на берегу у Иркутска. Из допросных речей А. Березовского можно заключить, что зачинщиком грабежа был М. Борисов. Годовальщики и несколько человек из деревни сына боярского присоединились к забайкальским служилым людям, которые снова поплыли к Иркутску. Данные А. Савелова и жителей Иркутска подтверждают эти сведения. Однако они утверждали, что даурцы не ограничились одной деревней Е. Курдюкова, а «пограбили ... и разорили наругаючись всячески» многих местных жителей [5, с. 368; 14, с. 106–107].

9 июля 1696 г. селенгинские, удинские, ильинские и кабанские служилые люди на двух дощаниках и каюке приплыли к Иркутску и встали в прежнем месте, после чего 3 дня пекли хлеб для дороги домой. Среди них по данным иркутских жителей были беглые полковые стрельцы, холопы, крепостные и крещеные и некрещеные ясыри. В это время происходит конфликт, который мог закончиться открытым противостоянием гарнизона города и «заморских казаков». А. Савелов приказал всему населению Иркутска запереться в городе, собравшись в него с семьями. В этот же день к «заморским казакам» приходили иркутский сын боярский И. Перфильев, пятидесятник А. Волон, рядовой С. Зотов, а также, делегаты посадских людей и пашенных крестьян. Они просили, чтобы приплывшие «шли б за море» и «ото всякого дурна и бунту перестали». В ответ забайкальцы угрожали, называя иркутян «ворами» и «изменниками» и сказали, что «мы де из-Иркутска не идем, будем жить в-Иркутску». Очевидно, что это была лишь перебранка. Закончив приготовления к переходу в Забайкалье, даурцы отплыли. Однако они забыли у одного из жителей Иркутска «хлебную осминную бельскую меру». Г. Безрукой, А. Уваров и Я. Лосев с товарищами, всего 6 чел., сошли на берег и отправились на городской базар, чтобы ее забрать. Видимо не все горожане, следуя приказу

воеводы, прятались за стенами. Путь казаков проходил мимо двора воеводы. Здесь¹ на них напали по одним данным иркутские служилые люди с неким Кобылой, по другим ссыльные Гараська Исленьев с сыном и другие люди числом около 10 чел. Выхватив ножи, забайкальцы стали защищаться и, отбившись, отбежали к своим судам. Однако одного человека, Ивана Новикова, нападавшим удалось схватить и посадить в тюрьму.

А. Березовский и забайкальские служилые люди с оружием подошли к городу бить челом воеводе о нападении и возвращении И. Новикова. На встречу им вышел дворянин Афанасий Бейтон, герой защиты Албазинской крепости, и иркутские служилые люди, изготовившиеся к бою с оружием и в пансырях. Следуя показаниям Г. Безрукого, даурцы также стояли «хором подняв ружье и курки». А. Бейтон сказал, что на них «затравлена» пушка и приказал челобитчикам «идти прочь» к дощаникам и они подчинились. Позже к ним пришел сын боярский Софейского дома И. Толстоухов, красноярский сын боярский В. Саламатов и «многие с ним служилые люди» и сказал, чтобы забайкальцы отплыли от Иркутска «безссорно». Со стен малого города Иркутска на забайкальцев были наведены 2 пушки и ружья ратников иркутского гарнизона. При этом, многие люди здесь были пьяные, т.к. воевода выдавал им вино через ссыльного человека - целовальника кружечного двора. «Заморские казаки» ответили, что если со стороны крепости прозвучит хоть один выстрел, то «со стороны город зажжем, с другой станем рубить». При этом они заметили, что «нощною порою» идти им от Иркутска не возможно и уплыли на следующий день [5, с. 369, 372–373; 14, с. 100, 107–109].

А. Савелов в своей челобитной умалчивает об этих подробностях, выставляя происходившее в самых «темных красках»: «приваля к городу бунтом, умысля воровски ... с ружьем к городу и к воеводскому двору ... приступили и из пищалей к стрельбе ... прикладывались и хотели иркутских всяких чинов жителей из ружья побить и город и дворы ... зажечь, и ... сидели в городе от их воровского бунту и приступу 7 дней». Далее он пишет, что «бунтовщики» не пошли на переговоры и угрожали собрать 500–600 чел. и приплыть следующей зимой. В челобитной иркутских жителей также написано про 7 дней, но все описанные события реально уложены в 3 дня: 9 июля забайкальцы приплыли, 10 июля был упомянутый выше инцидент с противостоянием и затем «бунтовщики» уплыли. Независимые от воеводы дети боярские И. Толстоухов и В. Саламатов, добившиеся ухода «заморских казаков» из Иркутска, также уложили весь конфликт в 1 день [5, с. 369, 372–373; 14, с. 100, 107–109].

Противостояние завершилось. Если объективно рассмотреть все события, то забайкальцы были в нем стороной, не предпринимавшей никаких реальных действий угрожавших воеводе или иркутским жителям. Естественно, на уровне разговоров и брани агрессия проявлялась. Однако мы не можем говорить о каких-то противозаконных действиях, которые можно охарактеризовать как бунт.

¹ По данным Г. Безрукого конфликт произошел у Спасской башни.

Тем не менее, закон был нарушен позднее, когда забайкальцы возвращались к Байкалу по р. Ангаре. Удинские стрельцы под руководством М. Борисова и Д. Фыка разорили деревню сына боярского Юрия Крыжановского, а затем у зимовья на Бурдугузе «прибили» и ограбили иркутского казака Ивашка Исакова и пашенного крестьянина Ганку Позднякова. Естественно, что мы не можем связывать эти события с борьбой с «феодальным гнетом». Как мы видим, жертвами стали представители разных сословий. Эти грабежи ничем не отличались от тех, которыми занимались эти же новоприборные стрельцы, отправляясь из Тобольска в Даурию. [14, с. 107–108].

Вторым и очень важным моментом для последующих обвинений было убийство 4-х иркутских казаков. «Заморские казаки», около 40 чел., встретили 9 чел. иркутян у Кежемской деревни рядом с Брацким острогом. В документах забайкальцы названы «провождальщиками», видимо, часть пути они сопровождали С. Краснояра, отправленного в Москву с челобитной. Этим можно объяснить то, что они были очень далеко от основного расположения своего отряда, находившегося в то время в Бельском остроге. Г. Безрукой также указывал на участие С. Краснояра в этих событиях, а иркутяне писали в челобитной, что убийцы «ушли, видя вину свою ... к Москве Сенькою Краснояром с товарищи». В дальнейшем на допросах забайкальцы утверждали, что у них была информация о том, что иркутские казаки были посланы А. Савеловым, чтобы «челобитчиков ... побить ... и письмо у них взять». По сведениям жителей Иркутска они были посланы разыскивать беглых людей в низовьях Ангары. По иркутянам стреляли все, но убийцами первых 3–х человек названы селенгинские казаки Данилко Домашнев Орел, Ивашко Мягкой и Ивашко Тарханов. Шестерых раненых «бив смертным боем, перераня ис пищалей и переломав руки и ноги», привезли в Братский острог и отдали на поруки местным жителям. Одного из них Сенку Щетинку привезли в Бельский острог, где Д. Фык, П. Каинов и А. Уваров «поклав ему камня в пазуху, бросили его в воду»¹. Казнь была обставлена как приговор всего казачьего войска. Г. Безрукой на допросе показал, что «для ... убивства вынесли знамя и ударили в барабаны и закричали всем войском, чтоб одноконечно ево, Сеньку посадить в воду». Он же сообщил, что Петр Бачанский и Оська Кочень у знамени говорили, что С. Краснояр приказал С. Щетинку отвезти в Селенгинский острог и держать там до «государева указу». Однако их не послушали и здесь мы снова видим самоуправство удинских новоприборных служилых людей. Во время следствия все люди, принимавшие непосредственное участие в этих преступлениях, были арестованы и заключены в тюрьму [5, с. 368, 371; 14, с. 109–110].

Интересным моментом является утверждение В. А. Александрова о подготовке Удинскими и Селенгинскими людьми совместно с прибайкальскими бурятами Окин Зайсана похода на Иркутск в 1697 г. Правда, в обеих грамотках, приведенных В. А. Александровым, Иркутск не упоминается, а целью нападения названы

¹ Следуя тексту челобитной иркутских жителей «приветчи к своим дощеникам на усть Белья реки, наругаясь насыпав песку и камня в пазуху, посадили в воду» [5, с. 368].

«воровские люди». На наш взгляд, поход должен был состояться не в Иркутск, а в монгольскую землю. За время отсутствия значительной части селенгинских казаков «в Селенгинску неприятельские люди отогнали конные табуны, и от того ... Селенгинские жители ... разорились». Прав оказался А. Савелов, который еще в феврале 1696 г. опасался, что «шатость» в даурских острогах может привести к нападению монголов и других иноземцев. Подобные действия не оставались безнаказанными и традиционно для ответного удара привлекали конницу из бурятских и других инородных воинов и добровольцев «охотников». Для этого же казаки хотели получить бурятских коней. Для нападения на Иркутск не было никаких оснований и предпосылок. Там сменился воевода, началось расследование по «неправдам» А. Савелова. И в Удинске и в Селенгинске были выбрано по 10 челобитчиков с челобитными о возмещении «обид». К тому же, судя по документам, инициаторами похода были, в первую очередь, селенгинские служилые люди, которые и в разгар конфликта 1696 г. в отличие от новоприборных удинских стрельцов, не шли на обострение ситуации. И это также никак не вяжется с предположением подготовки атаки на Иркутск [5, с. 347, 370, 374; 14, с. 98].

Итак, подводя итоги, отметим, что во время волнений в Удинске и Селенгинске даурские служилые люди не противопоставляли себя государству¹. Большая часть их действий, направленная против воеводы А. Савелова, не являлась прямым бунтом и, в большинстве случаев, не выходила за законные рамки. Произошедшие волнения, действительно, были, скорее, «смутой», о чем не раз отмечали и сами участники событий. Объявив на А. Савелова «государево дело» и обвинив его в измене, «заморские казаки», в целом, оставались в рамках существующей системы государственного управления. При этом степень вовлеченности военных корпораций Селенгинска и Удинска в «смуту» была неоднородна.

Селенгинцы и селенгинские годовальщики в Ильинском и Кабанском острогах управлялись официально утвержденными руководителями и их действия почти не вызывали вопросов у следствия. Они ждали «государева указа», который бы разрешил сложившуюся конфликтную ситуацию. Конфликт, связанный с убийством иркутян у Кежемской деревни, выглядит, скорее как, недоразумение, вызванное опасением селенгинцев за свою жизнь.

В Удинске же произошел раскол гарнизона на 2 неравнозначные части. Первая из них, состоявшая из «прежних» служилых людей, служивших в Даурии около 10 лет, придерживалась такой же позиции, как и селенгинцы. Вторая часть удинского гарнизона, состоявшая новоприборных ратников и части «старых» стрельцов, была склонна к противоправным действиям, которые явились прямым следствием и продолжением таких же «воровских» дел, осуществляемых новоприборными служилыми людьми во время их пути к месту службы. Возможно, что большая

¹ Это было отмечено и в советской историографии, не смотря на идеологические установки времени. В академической «Истории Сибири» отмечалось, что «все восставшие, не исключая казачьей гольтыбы Забайкалья, не выступали против правительства и даже в ходе восстаний искали в Москве удовлетворения своих требований» [9, с. 158]. Ситуация, сложившаяся в Даурии не является уникальной. Похожие события возникали и раньше, например, в Томске в 1637–1638 гг. [7; 9; 12; 13].

часть вины за содеянное лежит именно на их лидерах, сумевших направлять общее нейтральное большинство в своих интересах и захвативших с их помощью власть в Удинске.

Кроме того, отметим, что сам конфликт возник на благоприятной почве, которую подготовило само государство. Большинство служилых людей в гарнизонах было недовольно своим положением. 2/3 селенгинцев получали жалованье, не соответствующее характеру их службы. Это было следствием государственной политики, связанной с экономией на содержании военных в Сибири. «Выборные» служилые люди, находившиеся в Удинске не сменяясь, служили в Даурии около 10 лет, а их смена из городов Западной Сибири в крайней степени была недовольна направлением на службу в Забайкалье. Гибкий подход, основанный на формировании даурских гарнизонов из добровольцев, в этот период развития Сибири был уже возможен, однако, государство предпочло использовать изживавшую себя традиционную схему, основанную на посылке на восток «годовальщиков» из Западной Сибири.

В заключении отметим, что проблема волнений служилых людей в сибирских городах по-прежнему актуальна для исследований и может быть плодотворно развита с вовлечением в научный оборот новых неопубликованных источников.

Список использованных источников и литературы

1. Акимов Ю. Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI– середине XVIII в.: Очерк сравнительной истории колонизаций. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2010. – 372 с.
Akimov Yu. G. Severnaya Amerika i Sibir' v kontse XVI– seredine XVIII v.: Ocherk sravnitel'noi istorii kolonizatsii. – SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2010. – 372 s.
2. Албазинское воеводство (сборник документов). Библиотека дальневосточного казачества / Составители Трухин В. И., Крюков В. В. – Хабаровск, 2016. – 488 с.
Albazinskoe voevodstvo (sbornik dokumentov). Biblioteka dal'nevostochnogo kazachestva / Sostaviteli Trukhin V. I., Kryukov V. V. – Khabarovsk, 2016. – 488 s.
3. Албазинское воеводство (сборник документов). Библиотека дальневосточного казачества / Составители Трухин В. И., Крюков В. В. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – Хабаровск, 2019. – 628 с.
Albazinskoe voevodstvo (sbornik dokumentov). Biblioteka dal'nevostochnogo kazachestva / Sostaviteli Trukhin V. I., Kryukov V. V. Izd. 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe. – Khabarovsk, 2019. – 628 s.
4. Александров В. А. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. // Исторические записки. – 1957. – № 59. – С. 254–309.
Aleksandrov V. A. Narodnye vosstaniya v Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XVII v. // Istoricheskie zapiski. – 1957. – № 59. – С. 254–309.
5. Александров В. А. Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII века // Археографический ежегодник за 1961 год. – М. 1962 – С. 345–386.
Aleksandrov V. A. Materialy o narodnykh dvizheniyakh v Sibiri v kontse XVII veka // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1961 god. – M. 1962 – S. 345–386.
6. Багрин Е. А. Сибирские «выборные» служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с поименным списком) // Известия Лаборатории древних технологий. – 2020. – Т. 16. – № 2. – С. 90–119.

Bagrin E. A. Sibirskie «vybornye» sluzhilye lyudi v polku F. Golovina v 1686–1690 gg.: chislenost' i sostav (s poimennym spiskom) // Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii. – 2020. – Т. 16. – № 2. – С. 90–119.

7. Бояршинова З. Я. Волнения в Томске в XVII веке. // Вопросы истории – 1956. – № 6. – С. 109–115.

Boyarshinova Z. Ya. Volneniya v Tomske v XVII veke. // Voprosy istorii – 1956. – № 6. – С. 109–115.

8. Зуев А. С. Забытый герой: штрихи к биографии Афанасия Ивановича Бейтона // Немецкий этнос в Сибири: Альм. гуманит. исслед.: [Философия, социология, право, история, филология и др.]. – Новосибирск: Гуманитарные технологии, 2000 – Вып. 2. – С. 173–183.

Zuev A. S. Zabytyi geroi: shtrikhi k biografii Afanasiya Ivanovicha Beitona // Nemetskii etnos v Sibiri: Al'm. gumanit. issled.: [Filosofiya, sotsiologiya, pravo, istoriya, filologiya i dr.]. – Novosibirsk: Gumanitarnye tekhnologii, 2000 – Вып.2. – С. 173 – 183.

9. История Сибири с древнейших времен до наших дней (в 5 томах) / гл. ред. А. П. Окладников. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России / Авт. В. А. Александров, В. Г. Мирзоев, В. И. Шунков и др. – Л: Наука. Ленингр. отд–ние, 1968. – 538 с.

Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei (v 5 tomakh) / gl. red. A. P. Okladnikov. T. 2: Sibir' v sostave feodal'noi Rossii / Avt. V. A. Aleksandrov, V. G. Mirzoev, V. I. Shunkov i dr. – L: Nauka. Leningr. otd–nie, 1968. – 538 s.

10. Кудрявцев Ф. А. Восстания крестьян, посадских и казаков в Восточной Сибири в конце XVII в. – Иркутск, 1939. – 98 с.

Kudryavtsev F. A. Vosstaniya krest'yan, posadskikh i kazakov v Vostochnoi Sibiri v kontse XVII v. – Irkutsk, 1939. – 98 s.

11. Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). – М., 2012. – 321 с.

Leont'eva G. A. Sluzhilye lyudi v Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XVII – pervoi chetverti XVIII v. (po materialam Irkutskogo i Nerchinskogo uezdov). – M., 2012. – 321 s.

12. Оглоблин Н. Н. Томский бунт 1637–1638 годов (очерк из жизни XVII века) // Исторический вестник – 1901 № 7. – С. 229–250.

Ogloblin N. N. Tomskii bunt 1637–1638 godov (ocherk iz zhizni XVII veka) // Istoricheskii vestnik – 1901 № 7. – С. 229–250.

13. Оглоблин Н. Н. Красноярский бунт 1695–1698 годов.: (Очерк из истории нар. движений в Сибири). – Томск, 1902. – 47 с.

Ogloblin N. N. Krasnoyarskii bunt 1695–1698 godov.: (Ocherk iz istorii nar. dvizhenii v Sibiri). – Tomsk, 1902. – 47 s.

Первое столетие Иркутска. В память 250-летия Иркутска. – СПб., 1902 – 198 с.

Pervoe stoletie Irkutsk. V pamyat' 250-letiya Irkutsk. – SPb., 1902 – 198 s.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1059.

RGADA. F. 214. Op. 3. Stb. 1059.

16. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век / сост. Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. – Улан-Удэ, 1960. – Вып. 1. – 493 с.

Sbornik dokumentov po istorii Buryatii. XVII vek / sost. G. N. Rumyantsev, S. B. Okun'. – Ulan-Ude, 1960. – Вып. 1. – 493 s.

17. Чернигов А. К. Иркутские повествования. 1661 – 1917 годы. В 2 т. – Иркутск: «Оттиск», 2003. – Т. 1. – 464 с.

Chernigov A. K. Irkutskie povestvovaniya. 1661 – 1917 gody. V 2 t. – Irkutsk: «Ottisk», 2003. – Т. 1. – 464 s.

Bagrin E. A. «Riot» or «Chaos»? : nature of disturbance between Udinsk and Selenginsk warriors in 1696

The article examines the disturbances of warriors from Selenginsk, Udinsk, Ilyinsky and Kabansky fortresses, which occurred in 1696. The author of the study believes that the events were not a direct struggle against state administration. Most of the actions of Transbaikalye residents, directed against the voivode

*«БУНТ» ИЛИ «СМЯТЕНИЕ»? К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ БЕСПОРЯДКОВ
УДИНСКИХ И СЕЛЕНГИНСКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В 1696 Г.*

A. Savelov, were not the riot and in most cases did not go beyond the legal framework. On the basis of those events were the erroneous policy of the state aimed at the garrisons formation in Western Transbaikalye, not at anti-feudal process as it was previously thought. The article focuses on the fact that the stage of involvement of Selenginsk and Udinsk military corporations in «troubles» was unequal. While Selenginsk warriors and part of the «old» Udinsk warriors had taken a moderate position in anticipation of conflict resolution with Irkutsk voivode with the help of the state some of Udinsk warriors, mainly the newly-recruited, were inclined to arbitrariness and violation of the law.

Keywords: warriors, Cossacks, history, Siberia, Dauria, XVII century